Х Р А М А

близких перспектив у него фактически никаких, если не считать, что после строительства нового оперного здания ему достанется театр «Эстония». А оперу строить еще и не начинали. И нет ясного представления, когда начнут. (Заметим в скобках, что темпы строительства театральных зданий в Эстонии — архиспокойные, если судить по тому, как строились театры «Ванемуйне» и Пярнуский).

А ведь детскому театру, быть может, как никакому другому, нужно специальное, особенное, рассчитанное на характер юных и малых зрителей здание.

Вопрос о помещении — вопрос не частный. Положение арендатора неизбежно деформирует весь творческий процесс, нередко заставляет отступать от тех принципов, на которых зиждется наше театральное дело, от тех заветов, которые выносятся вчерашние студенты из театральных вузов. Мешает настоящей работе с детьми. Об этом нельзя не думать, создавая новый театр. Ситуация «лишь бы вырвать штаты, а там как-нибудь перебытуются» недостойна города и не заслужена теми, кто ехал туда с чистым сердцем и верой в солидность щедрых посулов.

II.

— Но ведь существует какая-то этика!

— Этика? Кто вам сказал? Никакой этики нет. Есть только шукура. Притом только своя.

(Из разговора в Красноярском тюзезе).

Вернемся к тому, с чего начали: из театра ушли... и т. д. Рассмотрев обстоятельства, в которых начинался, жил, работал этот театр, уход тех, кто ушел, можно счесть, видимо, оправданным. Люди эти талантливы, одержимы искусством, и для них естественно стремиться туда, где созданы условия, необходимые для полноценного творчества. Так надо ли их упрекать?

И уже приспособив мерки, отринув упреки, найдя слова оправдания, я опять вспоминаю пронзительно-одинокие, будто забытые в спешном беге афиши на продуваемых ветром улицах весеннего города, где черный, подтаявший снег оседает и плавится, и могуче течет Енисей, и трамвай на том берегу все останавливаются на остановке «Тюзез», а в зале нет зрителей, тоскливо в пустом фойе, и среди фотографий актрис и актеров не висит больше портрет Ларисы Малеванной.

Вспоминаю и не могу понять: если они решили уйти, то почему надо было уйти в середине сезона. Почему ни чувство долга, ни ответственность за судьбу коллег, ни естественная, казалось бы, привязан-

ность к делу рук своих не удержали ушедших? Почему так бездумно легко покинул свой пост главный режиссер? Неужели работа над «Миллионершей» в Облдрамтеатре влекла его настолько неодолимо?

Не так давно «Современник» отметил свой первый юбилей — 10 лет со дня основания. Мы привыкли, что этот хороший театр существует, и весь трудный период его детства как-то отодвинулся в прошлое. А в этом детстве было много поучительного и важного, особенно в свете красноярской истории.

Трудно себе представить, что вдруг в разгар борьбы за театр да еще в середине сезона из «Современника» ушел бы Олег Ефремов, и Олег Табаков, и еще кто-нибудь, и еще. Ушли бы, прельщенные какой-то заманчивой перспективой, обещающей скорый, спокойный личный успех. Трудно представить, что цена возводимого храма колебалась для них в зависимости от предложений извне. И разве многих из них не завлекали, не сулили им горы золотые? Не манили приютиться под чьим-то солидным крылом? Они выдержали испытание на разрыв, потому что идея своего театра была для них действительной, непреходящей, творческой, а не подсобной идеей.

У красноярцев вышло не так.

Театр — храм искусства. Кто считает, сколько раз услышал, прочел или произнес эту высокопарную фразу? Но какова же истинная цена этого храма, если так просто было переступить через его порог, оста-

вив за спиной растерянных товарищей, единомышленников, тех, с кем репетировал бессонными ночами, с кем преодолевал бесконечные трудности. Вдруг стать для них самой суровой трудностью, подорвать основы дела, которому честно служил? Что это — неосмотрительная самонадеянность молодости, верящей, что вся жизнь еще впереди и все можно успеть искупить и загладить?

Да, дело, наверное, и в молодости.

Но кроме тех, кто ушел, были и те, кто позвал, кто принял. Их не оправдаешь скидкой на молодость, хотя и это не оправдание.

Но как им странно, никого не волнует, есть оправдания или их нет. Факт внезапного ухода в середине сезона стал довольно обычным и утратил остроту чрезвычайности. Мы терпимо относимся к этим фактам, не противопоставляем им силу общественного мнения. Ведь, собственно говоря, случившееся в Красноярске не вышло из рамок закона. Закон один для всех. Если любой гражданин может уйти с работы в любое ему нужное время, то и актер, естественно, может. Неважно, что у театра своя специфика, что каждый здесь связан со всеми и все зависят от каждого.

Разумеется, закон и не должен вмещать в себя подобные исключения. Это не нужно. Ведь существует еще и понятие профессиональной этики, регламентирующей поведение человека порой ничуть не жестче, чем закон. По этим понятиям врач не может отказать больному в помощи, капитан меняет курс корабля,

услышав сигналы бедствия. И т. д. Наше театральное дело нередко страдает от отсутствия четких, официально принятых этических норм. Уйти или не уйти, поставить весь коллектив под удар или пренебречь на время своими интересами, переманить актера или не переманивать — характер решения подобных вопросов зависит сегодня не от общезначимого в театре понятия о допустимом и недопустимом, а от личных человеческих качеств уходящего или манящего. Попытка органов культуры путем специальных рекомендаций как-то упорядочить процесс миграции, ослабить его разрушительную силу ни к чему не приводит. Рекомендация — не закон. К рекомендации не обязательно прислушиваться.

В старину антрепренеры решали этот вопрос, обязывая актера платить неустойку в случае нарушения контракта. Для нас такой путь закабаления актера, разумеется, неприемлем. Но найти какой-то выход необходимо. И было бы, наверное, разумно между многими конференциями, совещаниями, встречами выбрать время и для такого соборания театральных деятелей страны, которое обсудило бы и ввело в обиход необходимые законы профессиональной этики.

* * *

Вот два причинных ряда красноярской истории. Каждый из них, по видимому, устраним...

Р. КРЕЧЕТОВА,
спец. корр. «Советской культуры».
КРАСНОЯРСК.